

дять за преступные сношения с королем Венгрии. Ис сын, молодой человек, исполненный чести и правоты, выразил свое отвращение к такому преступному процессу и трое из судей поставили совесть выше своей безопасности; но прочие, подчиняясь воле Андроника, без всяких доказательств и не выслушав оправдания обвиненной, осудили вдову Мануила, и сын ее подписал смертный приговор. Мария была задушена, тело ее бросили в море и память ее была оскорблена самым чувствительным образом для женского тщеславия, ибо из ее прекрасного лица сделали самую безобразную карикатуру. После того не замедлили умертвить ее сына: его задавили тегивой лука; и Андроник, недоступный чувству сожаления и угрызениям совести, взглянув на труп этого невинного юноши, грубо толкнул его ногой: «Твой отец, – воскликнул он, – был негодяй, твоя мать распутница и ты сам глупец».

Скипетр Византии был наградой преступникам Андроника; он правил около трех с половиной лет в качестве опекуна и верховного главы империи. Его управление представляло странную смесь добродетели и порока. Когда он следовал своим страстям, он был бичом своего народа и, возвращаясь к рассудку, он делался его отцом. Он выказал себя справедливым и строгим в делах честного правосудия; уничтожил постыдную и плачевную продажность; умея различать людей, он делал хороший выбор и был довольно тверд, чтобы наказывать виновных, а потому вскоре на всех местах явились достойные люди. До него обыкновенно грабили тех несчастных, которые претерпевали кораблекрушение, и он уничтожил этот бесчеловечный обычай; провинции, столь долгое время угнетаемые и пренебреженные, ожили среди изобилия, и между тем как очевидцы его ежедневных жестокостей проклинали его, миллионы людей, живших вдали от Византии, прославляли счастливое благодетельство его правления. Марий и Тиберий подтвердили собою ту древнюю поговорку, что человек, переходя из изгнания к власти, делается кровожадным. Жизнь Андроника подтвердила справедливость того в третий раз. Он упоминал в своем изгнании всех своих вра-

гов и соперников, которые говорили о нем худо, которые порицали его в несчастье или которые противились его счастью, и надежда на месть была тогда единственным его утешением. Избавившись от императора и его матери, он считал себя обязанным истребить всех, которые несправедливо или могли его наказать; и ряд душегубств уничтожил в нем всякое сострадание. Чтобы изобразить его кровожадность, нет подобности рассказывает о всех жертвах, погибших от яда или меча, в море или в огне; достаточно указать на то, что неделя, в которую он не пролил крови, называлась *временем счастливых дней* в летописях его жизни. Он старался слагать на законы или на судей часть своих преступлений; по личина спала, и его подданные не могли не узнать наконец виновника своих бедствий. Богороднейшие из греков и в особенности те, которые по своему происхождению или по родству могли предъявить притязание на наследие Комнинов, спасались из логовища этого чудовища: одни бежали в Никею или в Прузию, в Сицилию или на остров Кипр; так как их бегство считалось уже преступлением, то они присоединяли к нему восстания и принимали на себя титул императора. Андроник спасался всякий раз от кинжала и меча своих жесточайших врагов; он покорил и наказал города Никею и Прузию; сицилийцы ограничились разорением Фессалоники; и если мятежники, удалившиеся на остров Кипр, были вне преследований императора, то с другой стороны, такая отдаленность острова была выгодна и для самого Андроника. Его свергнул с престола ничтожный соперник и безоружный народ. Андроник произнес смертный приговор против Исаака Ангела, который происходил по женской линии от Алексея Великого. Исаак решил защищать свою свободу и свою жизнь: умертвив палача, исполнившего предписания тирана, он убежал в церковь св. Софии. Чернь, любопытная и опечаленная, наполнила мало-помалу храм. Но толпа очень скоро переходит от плача к брагу и от браги к угрозам. Начали раздаваться голоса: «Чего мы боимся? Чего мы подчиняемся тирану? Нам целые миллионы, а он один: наше рабство осно-